

Почва основы: тавтологическая логика

Его аргументация тоже строится на более или менее скрытых тавтологиях, на эффекте одуряющего вдалбливания. Как известно, один из употребительнейших видов сталинского дискурса, подсказанный семинарией, — перечисление соподчиненных тезисов. Прием этот распространяется как на положительные, так и на отрицательные полемические доводы: «ложь первая, ложь четвертая, ложь восьмая»; «вторая ошибка, допущенная Троцким... третья ошибка, допущенная Троцким... шестая ошибка Троцкого». Похожие построения встречаются и у многих других большевиков, включая Ленина (ср. его канцелярски пронумерованные тезисы, список «*главных пяти уроков*» колчаковщины и т. п.), но гораздо реже, чем у Сталина. Больше всего такие перечни смахивают на помесь инвентарной описи с реестром смертных грехов, но в качестве каузально оформленных серий они генетически связаны со школьной аристотелевско-богословской логикой, исходным пунктом которой мыслится абсолют — Творец как первопричина или безусловная основа обусловленного и опосредованного бытия¹.

В смутном соответствии как с той же философской традицией, так и с адаптировавшим ее материалистическим детерминизмом (роль «базиса»), Сталин охотно дает указания на «источник» или, чаще, на «основу», «основную причину» исчис-

ляемых явлений, которые, в свою очередь, сами могут служить «основой» для дальнейших построений. Ее аграрный эквивалент (симптоматически перекликающийся с протонацистским и нацистским жаргоном) — «корень» или еще более внушительная «почва» — причем, соединяя эти понятия, Сталин создает настоящие шедевры тавтологии: «выкорчевать с корнями»; «та основа, на почве которой...»; «элементарная почва, на базе которой...»; и даже «фундамент, на основе которого...». Но и здесь он только утрирует общеполитическую любовь к всевозможным «корням» и «истокам», да так, что она принимает у него направление, близкое Козьме Пруткову. Девизы «Зри в корень!» и «Отыщи всему начало, и ты многое поймешь» в сталинском исполнении выглядят следующим образом:

«Основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда герои и героини труда. В этом корень стахановского движения».

Бог весть, как его обучали в семинарии, но с чисто формальной стороны сталинские умозаключения представляют собой обширную коллекцию логических ошибок. Главные особенности этой псевдологики — использование недоказанного суждения в качестве посылки и т. н. *petitio principii*, т. е. скрытое тождество между основанием доказательства и якобы вытекающим из него тезисом. Тавтологичность сталинских аргументов (*idem per idem*) постоянно образует классический «круг в доказательстве». Часто наличествуют перестановка т. н. сильных и слабых суждений, подмена терминов, ошибки — вернее, фальсификации, — сопряженные с соотношением объема и содержания понятий, с дедуктивными и индуктивными выводами, и пр. Ср.:

«Правильно ли это определение? Я думаю, что правильно. Оно *правильно, во-первых, потому, что правильно* указывает на исторические корни ленинизма», и т. д.

Имитация каузальных схем приводит к тому, что причины и следствия, в виду их полной тождественности, свободно меняются местами в общем потоке псевдологической суггестии:

«Глубочайшая *ошибка* новой оппозиции состоит в том, что она *не верит* в этот путь развития крестьянства, не видит или *не понимает* всей неизбежности этого пути в условиях диктатуры пролетариата».

Ошибка как частное следствие общего непонимания уравнивается здесь с самим непониманием, а выше — с неверием, т. е. феноменом не рационально-логическим, а интуитивным. Затем те же смежные, данные в порядке соположения, понятия внезапно рисуются как логически-соподчиненные, и число их нарастает (забегая вперед, следует отметить и симптоматический примат веры над пониманием):

«А *не понимает* она этого потому, что *не верит* в победу социалистического строительства в нашей стране, не верит в способность нашего пролетариата повести за собой крестьянство по пути к социализму. [Почему бы не наоборот — «А не верит она в это потому, что не понимает...»?]

Отсюда непонимание двойственного характера нэпа <...>

Отсюда непонимание социалистической природы нашей государственной промышленности <...>

Отсюда непонимание <...> громадной работы партии по вовлечению миллионов масс <...>

Отсюда безнадежность и растерянность перед трудностями нашего строительства».

Всю эту бесконечную цепь выводов можно без малейшего ущерба свернуть в исходное состояние рокового «непонимания» или «неверия» в упитательные возможности советского крестьянства. Надо сказать, что Ленин временами тоже вытягивает «семинарско»-ритмическую цепочку логических производных, разделенных абзацем, — например, в одной статье 1916 г. («Здесь «гвоздь» его злоключений <...> *Отсюда* — игнорирование <...> *Отсюда* — упорное свойство...») — но ос-

мысленность у него имитируется чуть старательнее, тогда как у Сталина эта мнимая последовательность представляет собой чисто декларативное развертывание одинаковых или смежных утверждений, латентно содержащихся в самом первом из них. Вместо каузальной преемственности дается синонимия:

«Слова и дела оппозиционного блока неизменно вступают между собой в конфликт <...> Отсюда разлад между делом и словом».

«Несчастье группы Бухарина в том именно и состоит, что они <...> не видят характерных особенностей этого периода <...> Отсюда их слепота».

Уж лучше бы перевернуть этот квазилогический ряд, ибо неспособность видеть те или иные «особенности» обусловлена общей слепотой, а не наоборот.

Свой безотказный аналитический прием он начал осваивать еще в молодости, — в интеллектуальном отношении все же чрезмерно затянувшейся, — и тут наиболее примечателен его ранний теоретический трактат — «Анархизм или социализм?», написанный в возрасте 28 лет (конец 1906 — начало 1907гг.). В этой работе содержится множество умопомрачительных тезисов, один из которых открывается величавой максимой: «Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать именно такой, какова она в действительности». (Вероятно, другие методы предлагают рассматривать ее как-то иначе.) А дальше сказано:

«То, что в жизни рождается и изо дня в день *растет*, — неодолимо <...> То есть, если, например, в жизни рождается пролетариат как класс и изо дня в день *растет*, то <...> в конце концов он все же победит. *Почему? Потому, что он растет* <...> Наоборот, то, что в жизни *стареет и идет к могиле*, непременно должно потерпеть поражение <...> То есть, если, например, буржуазия постепенно теряет почву под ногами и *с каждым днем идет вспять*, то <...> в конце концов она все же потерпит поражение. *Почему? Да потому, что она как класс разлагается, слабеет, стареет*».

Физиологическая рисовка диалектики (соприродная архаично-крестьянскому жизнеощущению) концептуально подсказана, видимо, школьным Аристотелем с его классификацией движения — возникновение, уничтожение, рост, старение — но сама аристотелевская логика замкнута каркасом сталинских тавтологий: один класс растет, потому что растет, а второй — стареет, потому что стареет.

«Отсюда и возникло известное диалектическое положение: все то, что действительно существует, т. е. все то, что изо дня в день растет, — разумно, а все то, что изо дня в день разлагается — неразумно».

Этот животноводческий силлогизм, посылкой стилизованный под Гегеля, совершенно непригоден к дальнейшему употреблению, и напрасно мы стали бы задаваться вопросом, верно ли, что неразумное все-таки существует, хоть и разлагается, или же оно попросту иллюзорно. Его мысль развертывается в других измерениях, неподвластных философскому дискурсу. Уже в первой из бесспорно атрибутируемых Сталину статей — «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» (1904) — он изобретает чрезвычайно нетривиальные аргументы:

«Я вспоминаю русских метафизиков 50-х годов прошлого столетия, которые назойливо спрашивали тогдашних диалектиков, полезен или вреден дождь для урожая, и требовали от них «решительного ответа». Диалектикам нетрудно было доказать, что такая постановка вопроса совершенно не научна, что в разное время различно следует отвечать на такие вопросы, что во время засухи *дождь* полезен, а в дождливое время — *бесполезен и даже вреден*».

Хотелось бы, естественно, узнать имена этих потрясающих метафизиков и диалектиков, утаенные автором. Прделанные разыскания привели меня к тому историко-философскому выводу, что единственным авторитетом в области русской диалектики «50-х годов прошлого столетия» для него мог служить вышеупомянутый Козьма Прутков, опубликовавший в 1854 году глубоко научный афоризм:

«Если у тебя спрошено будет: что полезнее, солнце или месяц? — ответствуй: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло; а месяц — ночью».

В русском марксизме мыслители того же калибра появились значительно позднее — только на рубеже двух столетий. В 1901 Плеханов — которого Ленин, несмотря на политические расхождения, твердо считал лучшим марксистским философом после Энгельса² — тоже обратился к метеорологическим доводам:

«Историческая эволюция есть цепь явлений, подчиненных определенным законам. Явления, подчиненные определенным законам, суть явления *необходимые*. Пример: дождь. Дождь есть явление закономерное. Это значит, что при определенных условиях капли воды непременно падают на землю. И это вполне понятно, когда речь идет о каплях воды, не обладающих ни сознанием, ни волей».

Не к этому ли авторитету — а вовсе не к тифлисской семинарии, как обычно говорят, — восходит и тавтологичность самих сталинских тезисов, привнесенных им в русско-марксистскую сокровищницу чванливого пустословия? И вовсе не в духовном, а в юнкерском училище воспитывался этот же Плеханов, изрекавший следующие умозаключения:

«Идеалистическое понимание истории правильно в том смысле, что оно заключает в себе часть истины. Да, часть истины оно заключает в себе <...> Есть поэтому доля истины в идеалистическом понимании истории. Но в нем нет еще всей истины»³.

Столь же непреклонной, воистину плехановской, логикой блещет марксистский анализ капиталистического строя, проделанный Сталиным в «Анархизме или социализме»:

«Почему плоды труда пролетариев забирают именно капиталисты, а не сами пролетарии? Почему капиталисты эксплуатируют пролетариев, а не пролетарии — капиталистов?

Потому, что <...> капиталисты покупают рабочую силу пролетариев, и именно поэтому капиталисты забирают плоды труда пролетариев, именно поэтому капиталисты эксплуатируют пролетариев, а не пролетарии капиталистов.

Но почему именно капиталисты покупают рабочую силу пролетариев? Почему пролетарии нанимаются капиталистами, а не капиталисты — пролетариями?»

На этот таинственный вопрос Сталин отвечает с той же изнурительной доходчивостью:

«Потому, что главной основой капиталистического строя является частная собственность на орудия и средства производства...» — и т. д., и т. п., вплоть до нового логического тупика.

В любом случае, этот квадратно-гнездовой способ аргументации нельзя списывать только на авторскую молодость или неопытность, поскольку любовь к нему Сталин сохранил на всю жизнь.

При всех ссылках на влиятельные прецеденты странно все же другое — как сочетался такой идиотский назидательный вздор с громадным практическим умом Сталина? Это одно из многочисленных и трудноразрешимых противоречий, с которыми надо считаться при изучении его текстов. Как бы то ни было, он и здесь выказал замечательную прозорливость. Семена идиотизма, трудолюбиво посеянные им в умах советских людей, принесли пышные всходы, и само фантастическое обилие дураков на сегодняшних коммунистических сборищах великолепно подтверждает неиссякаемую действенность сталинского учения.